

В.В. Абашев

ПЕРМСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ

Аннотация. В статье в историко-функциональном аспекте анализируется, как пермский звериный стиль приобрел знаково-символический статус и стал одним из ведущих символов Перми. Сделан вывод, что это результат реализации культурного проекта, инициированного журналистом и общественным деятелем Б.Н. Назаровским в 1960-е годы.

Ключевые слова: пермский звериный стиль, легитимирующий нарратив, советская культура, культурная политика, Б.Н. Назаровский.

Для цитирования: Абашев В.В. Пермский звериный стиль как культурный проект // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 4 (16). С. 94–105. DOI 10.26105/PBSSPU.2023.16.4.010

V.V. Abashev

PERM ANIMAL STYLE AS CULTURAL PROJECT

Adstract. The article analyzes in a historical and functional aspect how the Perm animal style acquired a sign-symbolic status and became one of the leading symbols of Perm. It is concluded that this became possible as a result of the implementation of a cultural project initiated by the journalist and public figure B.N. Nazarovsky in the 1960s.

Key words: Perm animal style, legitimation narrative, Soviet culture, cultural policy, B.N. Nazarovsky.

For citation: Abashev, V.V. (2023). Perm Animal Style as Cultural Project. *Word. Text. Context*, 4 (16), 94–105. DOI 10.26105/PBSSPU.2023.16.4.010 (in Russian)

Введение

В конструировании территории, прежде всего в том, как она предъявляет себя *urbi et orbi*, существенную роль играют знаково-символические структуры: «если есть своя мифология <...> есть и самобытность региона» [5, с. 61–62]. В «мифологии» Перми с рубежа 2010-х годов все возрастающую роль играет пермский звериный стиль. Сегодня это одна из доминирующих знаково-символических структур в ансамбле знаков, представляющих город [7; 8]. В этом нетрудно убедиться даже при беглом знакомстве с городом, его центр насыщен визуальными репликами фигур пермского звериного стиля. Его значимость подтверждают и социологические опросы: горожане включают пермский звериный стиль в тройку ведущих символов Перми. Он уступает здесь лишь пермскому балету.

Методология, постановка проблемы

История открытия и изучения этого феномена древности детально описана [1; 6; 21], и мы не будем касаться ни науковедческой, ни специальной археологической проблематики. Пермский звериный стиль мы рассматриваем в историко-функциональном аспекте. То есть нас интере-

сует не археологический артефакт, а эволюция его восприятия, процесс обретения им знаково-символического статуса. Заостряя постановку вопроса, можно сказать, что сегодня в локальном контексте под одним именем мы имеем две сущности: пермский звериный стиль археологов и музейных экспозиций и существующий во множестве реплик, художественных интерпретаций и нарративов пермский звериный стиль массовой культуры. Этот второй и является предметом нашего внимания.

Цель исследования

Мы попробуем описать движения пермского звериного стиля от материального факта к символу, деятелей этого движения и их мотивы, а также влияние социокультурных и политических факторов, которые либо способствовали, либо сдерживали продвижение феномена в публичном поле. *Описание всех этапов публичной биографии звериного стиля в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому мы сосредоточим внимание на том этапе в его истории, когда начинается процесс обретения им знаково-символического статуса: от середины 1960-х годов до начала 1990-х. Но прежде чем перейти к анализу этого этапа, вкратце охарактеризуем предшествующие ему периоды.*

История изучения пермского звериного стиля до 1950-х годов

Хотя первые публикации о найденных в Прикамье предметах култового металлического литья появились еще в середине XIX столетия, углубленное научное обсуждение «шаманских изображений», или «древностей камской чуди», начинается в 1890–1900-е годы. Важную роль в развитии обсуждения сыграли труды А.А. Спицына. Опубликовав качественные прорисовки сотен артефактов, он сделал их доступными не только специалистам, но и широкому кругу читателей [9; 24]. Что важно заметить, тогда же была оценена художественная выразительность древних предметов. Н.К. Рерих использовал мотивы звериного стиля в эскизах предметов интерьера, отметив близость их орнаментики искусству модерна [22, с. 918]. О внимании к эстетическому потенциалу стиля говорят элементы художественной образности, обмеченные в трудах археолога А.В. Шмидта. Исследователя поражали «*дикое смешение*» и «*фантастическая живописность*» образов пермского звериного стиля, корнящиеся в «*экстатике <...> шаманских культов*» [27, с. 148–149, 160]. Подобные эстетические реакции свидетельствовали о потенциале символизации археологических артефактов.

Но едва выйдя на публичную поверхность в начале XX века, в 1930-е годы звериный стиль ушел в археологическое подполье редких научных публикаций. Геттоизация феномена была предопределена политическими факторами. Сильное в 1920-е годы краеведческое движение в начале 1930-х было разгромлено [25, с. 49–61]. Внимание к культурным феноменам, поддерживающим идею региональной самобытности, вызывало подозрение. Грубая идеологизация археологических исследований приводила к тому, что тот же А.В. Шмидт в работе 1932 года о жертвенных местах был вынужден обосновывать необходимость исследования с задачами антирелигиозной работы на селе [28, с. 40]. В итоге на три с лишним десятилетия пермский звериный стиль ушел из поля общественного внимания.

Результаты и обсуждение результатов исследования

Со второй половины 1950-х годов культурно-идеологическая ситуация меняется. Отметим две важные для истории пермского звериного стиля тенденции в новой культурной политике.

Во-первых, на рубеже десятилетий обостряется внимание к культурному наследию, поднимаются темы защиты памятников культуры и развития традиций прошлого в советской культуре. В связи с этим возрождается краеведческий активизм, поощряется интерес к вопросам локальной идентичности [20]. Красноречиво название одной из многочисленных газетных публикаций того времени: «Краеоведам – честь и место!» [10]. Институционально поворот к традиции выразился в создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1965 году. Нарастающий интерес к родной старине, к корням сказывался в настроениях самых широких масс читателей и зрителей. Напомним лишь, какой всплеск увлечения иконописью вызвали «Черные доски» (1969) В. Солоухина. Интересоваться стариной и древностью стало и модным, и патристичным.

Вторую тенденцию можно определить лозунгом «Красоту в жизнь» по названию статьи министра культуры СССР Н.А. Михайлова. Она была посвящена задачам декоративного искусства, призванного обогащать жизнь советского человека, способствовать удовлетворению его возросших эстетических потребностей [14]. Еще более точно содержание этой тенденции определяется названием проведенной в 1961 году в Манеже масштабной выставки «Искусство в быт». Здесь были представлены образцы изделий художественной промышленности СССР. В обсуждениях роли искусства в жизни и быту советского человека подчеркивалось, что оно должно черпать идеи «из бесконечных родников народного творчества» [14, с. 2], что новое надо создавать на основе «изучения корней народного искусства, органического развития его форм, бережной и творческой переработки наследия» [23, с. 118]. В русле этой тенденции к эстетизации жизненной среды активно обсуждалась тема сувениров. Критиковалось их однообразие, узкий ассортимент, аляповатость или «галантерейная красивость», подчеркивались необходимость повышения их художественного качества, а также опоры на традиции местных художественных промыслов. Сувениры «должны [были] стать <...> полноценными произведениями декоративного искусства различных народов нашей страны» [4, с. 18] и рассматривались как знаки самобытности регионов.

Сдвиг культурных ориентиров в сторону традиций и древности, требование эстетизации жизненной среды советского человека и развития для этой цели художественной промышленности, внимание к народному искусству, постановка проблемы местной художественно выразительной сувенирной продукции, – все эти новые акценты культурной политики создавали на локальном уровне благоприятные условия для выхода пермского звериного стиля из подполья редких научных публикаций в поле общественного внимания. Но для любого культурного почина нужен инициатор, человек способный не только оценить эстетический и общественный потенциал забытого или маргинального культурного

явления, но и найти сторонников, спланировать и организовать процесс его выдвижения в публичное пространство и добиться общественного признания культурной ценности. В Перми такой человек, обладающий способностями к проектной деятельности, нашелся.

Это был Б.Н. Назаровский (1904–1972), человек в городе известный, пользующийся авторитетом среди журналистов и в кругах культурной общественности. Обширные историко-культурные познания, интеллектуальный темперамент и харизма, журналистская хватка, опыт руководства областной газетой и книжным издательством сочетались у него с навыками аппаратной партийной и советской работы. Он знал, как работают механизмы власти и как их можно использовать.

К середине 1960-х годов Назаровский был уже на пенсии. Однако освобождение от руководящих функций и обязанностей, а также влияние культурного оживления «оттепели», кажется, раскрепостили его интеллектуально и открыли поле возможностей самоопределения в качестве лидера общественности. Характерный штрих в подтверждение нашей версии. Еще в 1962 году в статье об издании краеведческой литературы он, памятуя о недавних запретах, писал, что «увлечение откапыванием в далеком прошлом местных достопримечательностей <...> может увести в сторону от задач коммунистического строительства» [30, л. 9]. Но уже через два года тот же Назаровский с энтузиазмом займется «откапыванием местных достопримечательностей». Так пенсионные годы стали звездными для «журналиста и члена КПСС с 1930 года». Бездействовать Назаровский не мог по натуре. «Человек я уже старый <...> Возможно мне следовало бы сидеть в своем углу да помалкивать <...>. Но не могу превратить себя в обывателя», – заметил он как-то в письме секретарю Пермского Обкома КПСС [31, л. 28].

После завершения карьеры в сфере журналистики, партийной и советской работы Назаровский открыл для себя новое и почти не паханое поле деятельности в краеведении и новую общественно значимую роль ревнителя регионального культурного наследия [13, с. 59]. С конца 1950-х годов он погружается в чтение краеведческой литературы, изучает памятники культуры и, в частности, открывает для себя пермский звериный стиль. Судя по россыпи ссылок в будущих своих публикациях по этой теме, он освоил широкий круг источников. В артефактах древней культуры Назаровский нашел и яркое свидетельство самобытности Прикамья, и, что более важно, эстетически живой феномен, дающий возможности для использования в художественной промышленности.

Назаровский тщательно отслеживал новые тенденции культурной политики. Объемистая папка с вырезками из центральных газет по теме «Краеведение. Охрана памятников истории и культуры», которую он начал вести с 1958 года, содержит около сотни публикаций. Когда в культурной политике партии ясно обозначились повороты к изучению и эстетическому освоению культурного наследия и к развитию художественной промышленности, Назаровский понял, что наступил благоприятный момент для выведения звериного стиля в поле общественного внимания. Если использовать современную терминологию, системность проведен-

ной им кампании по популяризации и утверждению ценности звериного стиля, глубокую продуманность каждого шага можно рассматривать как образец планирования и менеджмента культурных проектов.

В октябре 1964 года Назаровский направил обращение под шапкой «Письмо товарищам, любящим наш край» [19] во все местные организации культурно-просветительского профиля: краеведческий музей, художественную галерею, областную библиотеку, государственный архив и Пермский университет. То есть в те места, где рассчитывал найти сторонников своей программы популяризации звериного стиля.

Сердцевиной его обращения была конкретная программа действий по популяризации и использованию звериного стиля в художественной промышленности. Но принципиально важна в этом послании была его мотивирующая часть. «Богатую мысль» (sic!) о популяризации звериного стиля и использовании его в местной художественной промышленности Назаровский обосновывал, вплетая ее в канву тщательно продуманного легитимирующего нарратива о соответствии замысла культурной политике партии. На возможные бюрократические возражения: «А зачем это? Ведь из Москвы никаких указаний о древнем искусстве не было», у опытного партийного полемиста был ответ: «Из Москвы есть общая директива: заниматься искусством, эстетическим воспитанием, заниматься бытом людей» [19, с. 343].

Поэтому свое обращение он начинал с констатации плачевного положения местной художественной промышленности, отсутствия оригинальных сувениров, так что «человеку, побывавшему в Перми, нечего купить на память о ней» [19, с. 334]. Такая ситуация нетерпима, поскольку у пермяков есть традиции, на которые можно опереться – «ценное наследие народного художественного творчества, [которое] не используется» [19, с. 334]. Это памятники звериного стиля. Беда в том, что они известны только узким специалистам. И Назаровский актуализирует «шаманские изображения», вписывая их в рамки советской эстетики. Археологические артефакты в его трактовке удовлетворяют основополагающим требованиям советского понимания искусства – реалистичности и народности: «Это стиль реалистического искусства. В основе его – живое наблюдение природы. Это стиль народного искусства», в котором на «протяжении столетий народ отбирал <...> лучшие черты, интереснейшие образы» [19, с. 339]. Это искусство отнюдь не устарело. Главные, по Назаровскому, художественные черты пермского звериного стиля – «лаконизм и ритмичность» – созвучны современной эстетике. Поэтому «включение <...> [предметов в зверином стиле. – В.А.] в современные ансамбли <...> квартиры и одежды» кажется ему и органичным, и оригинальным [19, с. 339].

Новаторским в подходе Назаровского к пермскому звериному стилю стало то, что он решительно выводил его из исключительного ведения археологии и рассматривал в первую очередь как живое эстетическое явление, как источник новых художественных инспираций. Поэтому принципиальной задачей для него было заручиться поддержкой художников и включить их в процесс популяризации. «Надо, чтобы художники проверили мое впечатление и подтвердили (или отвергли) вывод о художественной ценности этого наследия и возможности его использования в наши дни. Если подтвердят – делать все следующее» [19, с. 342].

«Все следующее» это программа действий. Назаровский предлагал провести выставку «произведений искусства древних народов Прикамья» в художественной галерее. Снять телевизионный фильм о зверином стиле с тем, чтобы «эффектно показать <...> предметы изобразительного искусства древних народов Прикамья» [19, с. 342]. Издать альбом произведений пермского звериного стиля и научно-популярную книгу. Наконец, в итоге программа Назаровского предполагала выпуск сувенирной линии и бытовых предметов с использованием мотивов звериного стиля.

Трудно представить, как человеку, не наделенному властными полномочиями, можно было реализовать такой масштабный проект. Тем не менее все задуманное Назаровским было реализовано. Секрет его успеха был в том, что Назаровский сумел воодушевить и объединить большую группу молодых археологов, искусствоведов, художников и музейных работников. «Все это дело может состояться, – писал он, – только в том случае, если найдутся его горячие энтузиасты, если оно получит общественную поддержку, к которой я прежде всего и взываю. Его нужно делать по-настоящему, смело и с размахом или совсем не делать» [19, с. 343]. Для каждого из увлеченных Назаровским молодых специалистов участие в работе стало личным проектом, новой возможностью профессиональной реализации. «Сколько хороших дел начиналось после долгих и содержательных бесед с ним», – вспоминала искусствовед А.Г. Будрина [2, с. 82].

Важной частью подготовки и реализации плана Назаровского по популяризации звериного стиля было его сопровождение в местной печати. В этом он получил поддержку газеты Обкома ВЛКСМ «Молодая гвардия». В октябре Назаровский разослал обращение к общественности, а уже в ноябре в «Молодой гвардии» появилась статья популярного в Перми журналиста Ю.Ф. Надеждина «Фальшивый сувенир». Высмеивая аляповатые поделки из гипса и подхватывая тему Назаровского об отсутствии колоритных местных сувениров, журналист писал, что Прикамье, «земля, на которой издревле жили великолепные рукоделы-умельцы, обязательно должна иметь свой сувенир» и что за это дело должны взяться искусствоведы и художники [15].

В декабре под вновь организованной в газете рубрикой «Судьбы Прикамского сувенира» Ю. Надеждин поместил заметку «Чудские древности». Здесь сообщалось, что группа пермских художников посетила краеведческих музеев, рассмотрела и обсудила коллекцию пермского звериного стиля. В итоге художники пришли к общему соглашению, что увиденные ими древние артефакты «представляют большую художественную ценность» и дают возможности для новых художественных интерпретаций [16]. Так был реализован стартовый пункт программы Назаровского: художники поддержали его убежденность в высокой эстетической ценности звериного стиля. В этой же заметке было анонсировано будущее выступление в газете «старейшего журналиста Прикамья» со статьей. Анонс свидетельствует, что проект популяризации звериного стиля уже получил властную поддержку.

В конце января 1965 года в «Молодой гвардии» под рубрикой «Судьбы Прикамского сувенира» в качестве отклика на надеждинский «Фальшивый сувенир» появилась программная статья Б.Н. Назаровского

«Чудские древности». В целом содержательно статья повторяла его октябрьское обращение, но появились и новые моменты. Был более развернут намеченный ранее легитимирующий нарратив о народности и реалистичности древнего искусства, а также о том, что его культовый характер уже забыт, а на первый план выдвинулись эстетические достоинства. В то же время структурно и стилистически статья была несколько перестроена. Она звучала едва ли не в духе энергических партийных призывов к действию. «Мы, – писал Назаровский, – владеем художественным наследством большой ценности, которое можно и нужно широко использовать», поэтому «надо действовать, действовать, не откладывая» [18].

Активные действия вскоре и начались. В апреле 1965 года в «Молодой гвардии» под той же рубрикой «Судьбы Прикамского сувенира» появилась корреспонденция «Пять интервью о чудских древностях». Интервью корреспонденту молодежной газеты давали директор областного отделения художественного фонда СССР, художественный редактор Пермского книжного издательства, ученый секретарь Пермской художественной галереи и археолог из Пермского университета. Они рассказывали, «как практически претворяется <...> программа» популяризации «чудских древностей», которые «представляют из себя значительную художественную ценность, а потому непременно должны стать достоянием сегодняшнего искусства» [17]. В преамбуле к интервью сообщалось, что «серьезный общественный интерес» к чудским древностям появился в Перми после специальной экскурсии, организованной для художников краеведческим музеем, а также статьи Назаровского, опубликованной в «Молодой гвардии». Появление интервью о начавшейся работе по популяризации пермского звериного стиля свидетельствует, что программа Назаровского получила одобрение партийных и советских органов. Был организован оргкомитет по подготовке к выставке в художественной галерее, в книжном издательстве появились планы о подготовке альбома.

В июне 1965 года, продолжая рубрику «Судьбы Прикамского сувенира», «Молодая гвардия» разместила обращение оргкомитета выставки к «учителям, краоведам, туристам, школьникам, всем людям, любящим свой край, активно участвовать в сборе, сохранении и изучении художественных памятников старины» [29]. Выдержанный в стилистике комсомольского задора заголовок – «Экспедиция “чудские древности”, вперед!» – придавал программе популяризации пермского звериного стиля черты чуть ли не всенародного почина.

Словом, программа популяризации звериного стиля, предложенная Назаровским, была запущена. Как показали дальнейшие события, она реализовалась почти в буквальном соответствии с его первоначальным планом. Личная роль Назаровского на этапе реализации оставалась прежней. Используя свое влияние и харизму, он содействовал включению в проект «горячих энтузиастов». Так, упоминая в одном из писем лета 1965 года об участии в заседании оргкомитета «звериной выставки», Назаровский сообщил, что настоял на включении в оргкомитет молодых историков из университета и сотрудников галереи: пусть они «не имеют

пока чинов», зато «желают работать». Убедившись, что дело с популяризацией звериного стиля «на мази», Назаровский отошел от непосредственного участия в проекте. Но запущенная им «машина энтузиазма» продолжала работать точно в соответствии с планом: выставка, фильм, научно-популярные книги, альбом, новые художественные интерпретации.

В конце августа 1967 года в Пермской художественной галерее открылась выставка «Древнее искусство Пермского края». Название было широким, но стержнем экспозиции были «чудские древности», дополненные предметами народного искусства, в которых, по замыслу устроителей, развивались мотивы древнего искусства. Кроме знакомства с древними артефактами выставка призвана была утвердить также представление о локальном характере этой традиции. Хотя «о зверином стиле нельзя говорить, как о явлении только пермском, – комментировала экспозицию А. Будрина, – <...> Но все же бронзовые идола и древности “камской чуди” очень своеобразны, неповторимы часто в сюжетах и художественных приемах. И это делает пермский звериный стиль явлением уникальным» [3].

Незадолго до выставки местное телевидение выпустило научно-популярный фильм «Древности Камской чуди». В работе над фильмом участвовали члены команды, готовившей выставку. Фильм удался. Меня ракурсы и освещение, пользуясь крупным планом для детализации, оператор М.А. Заплатин «оживил» фигуры пермского звериного стиля. В своем обращении 1964 года Назаровский писал, что снять фильм необходимо, чтобы «эффектно показать» древние произведения [19, с. 342]. Авторам это удалось.

Позднее настал черед книгоиздательской продукции. В 1973 году вышла книга-альбом «Чудские древности Урала» с серией выразительных линогравюр известного пермского графика А.П. Зырянова. Заостряя свойственные древним артефактам черты, художник концентрированно выразил присущие им подспудно «монументальность» и «суровое выражение огромной притягательной силы» [11, с. 9]. Альбом вышел большим тиражом – 12 тысяч, и линогравюры А.П. Зырянова впервые вывели выразительно стилизованную пластику звериного стиля в поле широкого общественного внимания. Вскоре в 1976 году вышла иллюстрированная научно-популярная книга археолога В.А. Оборина «Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль» [21].

Наконец, в 1988 году фантастическим по сегодняшним меркам тиражом – 30 тысяч – вышел альбом «Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль». Альбом был издан на высшем для того времени полиграфическом уровне. Самому широкому кругу читателей стали доступны высококачественные изображения предметов древнего искусства. Как вспоминают, альбом появился в мастерской каждого пермского художника. Теперь фотография, а не музей, стала для многих первоисточником впечатлений.

Существенную роль в программе популяризации пермского звериного стиля и его общественной легитимации, начиная с работы над выставкой 1967 года, сыграл археолог В.А. Оборин. В своих научно-популярных публикациях вслед за Назаровским Оборин развивал нарратив, утверждающий пермский звериный стиль в статусе более высокого, чем только интерес-

ный для ученых археологический памятник. Настойчиво из публикации в публикацию он утверждал понимание древней металлической пластики в качестве памятника культурного наследия, сохранившего живую эстетическую ценность и занимающего «достойное место во всенародной сокровищнице искусства» [21, с. 5]. Вписывая древние артефакты в рамки советского понимания ценностей культуры, вслед за Назаровским Оборин делал акцент на определениях «народный» [21, с. 5, 11], «реалистичный» [21, с. 9], подчеркивал опору на ленинскую теорию отражения, лежавшую в основе советского искусствоведения. Принципиально важным мотивом легитимирующего нарратива было также закрепление региональной принадлежности звериного стиля. «Этот стиль, – настаивал ученый, – со всей определенностью можно назвать пермским, <...> [Он] сложился на пермской земле, почти все [его] предметы <...> обнаружены <...> на территории <...> Перми Великой русских летописей» [21, с. 7].

Стремление редакторов альбома отстоять локально приуроченную номинацию звериного стиля натолкнулись на рудименты идеологического контроля. Поскольку альбом должны были печатать в ГДР, издание курировал «Внешторгиздат». Московские чиновники требовали изменить название. «Посчитали, – вспоминал соредактор альбома этнограф Г.Н. Чагин, – что не может быть у “нынешней Перми звериного стиля”» [26, с. 132]. Пермским историкам пришлось вернуться к уже апробированным в предшествующей традиции «чудским древностям». Но в подзаголовке локализирующий термин все же удалось сохранить.

Выводы

Б.Н. Назаровский ушел из жизни в 1972 года. Он успел увидеть лишь первые результаты своего почина, но проект выхода звериного стиля из подполья, его популяризации и утверждения художественной ценности – это всецело его заслуга. Инициировав коллективную работу пермских искусствоведов, историков, археологов и художников по популяризации и художественному освоению пермского звериного стиля, Назаровский запустил процесс его нового изобретения. Он вывел древние артефакты из монопольного ведения археологии, переместил их в поле внимания искусствоведения и художественного творчества, сразу сделав акцент на его художественной ценности и возможностях. В этой коллективной работе звериный стиль утверждался как уникальная принадлежность Пермского края, вроде деревянной храмовой скульптуры. В итоге, преодолевая сопротивление, «чудские древности» отступили, и утвердилось современное приватизирующее определение феномена – пермский звериный стиль. Благодаря этой работе пермский звериный стиль, отделяясь от материнской археологической почвы, обретал знаково-символический статус.

Литература

1. Белавин А.М., Игнатъева О.В., Оятева Е.И. Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа. Пермь: «ОТ и ДО», 2009. 160 с.
2. Будрина А.Г. Вспоминая Бориса Никандровича // Назаровский: К 100-летию со дня рождения Б.Н. Назаровского, журналиста и краеведа / сост. Т.И. Быстрых. Пермь: Пушка, 2004 (ИПК Звезда). С. 79–83.
3. Будрина А. Далекая и близкая красота // Звезда. 1967. 30 августа.

4. Воронова Л. Нужны сувениры // Декоративное искусство СССР. 1959. № 8. С. 17–20.
5. Головнева Е.В. Регион как социальный конструкт // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 58–63.
6. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. М.: Наука, 1975. 148 с.
7. Дианова Ю.В. Историко-художественный потенциал пермского звериного стиля для формирования визуально-эстетического облика пешеходных улиц Перми // Технологос. 2022. № 4. С. 66–79. DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.4.06
8. Дианова Ю.В. Стратегия геокультурного брендинга города: креативный потенциал пермского звериного стиля: автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск 2020. 24 с.
9. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых: Атлас рисунков с предисловием... А.А. Спицына. СПб.: Типография В. Белобразова и К., 1902. 110 с.
10. Ефремов Ю.К. Краеоведам честь и место // Литература и жизнь. 1958. 15 октября.
11. Зырянов А.П. Чудские древности Урала: Альбом / Предисл. В.А. Оборина. М.: Советская Россия, 1973. 60 с.
12. Игнатъева О.В. Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучение. Пермь: ИПК «От и До», 2009. 160 с.
13. Лейбович О.Л. «Безвестный странный тип в косоворотке...». Борис Назаровский и новая хронология Перми // Культурный код. 2023. № 2. С. 53–69.
14. Михайлов Н. Красоту в жизнь // Декоративное искусство СССР. 1960. № 1. С. 1–3.
15. Надеждин Ю. Фальшивый сувенир // Молодая гвардия (Пермь). 1964. 22 ноября.
16. Надеждин Ю. Чудские древности // Молодая гвардия (Пермь). 1964. 25 декабря.
17. Надеждин Ю. Пять интервью о чудских древностях // Молодая гвардия (Пермь). 1964. 14 апреля.
18. Назаровский Б. Чудские древности // Молодая гвардия (Пермь). 1965. 31 января.
19. Назаровский Б.Н. Письмо товарищам, любящим наш край // Назаровский: К 100-летию со дня рождения Б.Н. Назаровского, журналиста и краеведа / сост. Т.И. Быстрых. Пермь: Пушка, 2004 (ИПК Звезда). С. 334–343.
20. Неплюев П.А. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // Культурный код. 2020. № 3. С. 38–50.
21. Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное издательство, 1976. 190 с.
22. Рерих Н.К. Нехудожественность наших художественных магазинов // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 11. С. 914–918.
23. Рождественская С.Б. «Искусство в быт». Выставка новых образцов изделий художественной промышленности // Советская этнография. 1961. № 6. С. 110–120.
24. Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. 1906. Т. 8. Вып. 1. С. 29–145.
25. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2006. 341 с.
26. Чагин Г.Н. Птицы и звери, боги и духи в бронзовом искусстве Рифея // Вестник Пермского университета. История. 2011. Выпуск 1 (15). С. 127–133.
27. Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград: [б. и.], 1926. Т. VI. С. 125–164
28. Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 13. Вып. 1–2. Ленинград: ОГИЗ, 1932. 43 с.
29. Экспедиция «чудские древности», вперед! // Молодая гвардия (Пермь). 1965. 7 июня.
30. Назаровский Б.Н. Книжки о родном крае или знать свой край. 16.09.1962 // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 9.
31. Назаровский Б.Н. Письмо секретарю Пермского обкома КПСС Кириенко И.Я. от 26.04.1968 // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1–28.

References

1. Belavin, A.M., Ignatieva, O.V., Oyateva, E.I. (2009). Perm Animal Style in Treasury of State Hermitage Museum. Perm. 160 p. (in Russian)
2. Budrina, A.G. (2004). Remembering Boris Nikandrovich. *Bystryh T.I. (Comp.). Nazarovsky: To the 100th Anniversary of Birth of B.N. Nazarovsky, a Journalist and Local Historian.* Perm. Pp. 79–83. (in Russian)
3. Budrina, A. (1967). Distant and Near Beauty. *Zvezda, Aug. 30.* (in Russian)
4. Voronova, L. (1959). Souvenirs are Needed. *Decorative art of the USSR, 8, 17–20.* (in Russian)
5. Golovneva, E.V. (2015). Region as Social Construct. *Society and power, 6 (56), 58–63.* (in Russian)
6. Gribova, L.S. (1975). Perm Animal Style: Problems of Semantics. Moscow. 148 p. (in Russian)
7. Dianova, Yu.V. (2022). Historical and Artistic Potential of Perm Animal Style for Formation of Visual and Aesthetic Appearance of Pedestrian Streets of Perm. *Technologos, 4, 66–79.* DOI: 10.15593/perm.kipf/2022.4.06 (in Russian)
8. Dianova, Yu.V. (2020). Strategy of Geocultural Branding of City: Creative Potential of Perm Animal Style. Saransk. 24 p. (in Russian)
9. Spitsyn, A.A. (1902). Antiquities of Kama Chud from Teploukhov Collection. St. Petersburg. 110 p. (in Russian)
10. Efremov, Yu.K. (1958). Local Historians Honor and Place. *Literature and Life, Oct 15.* (in Russian)
11. Zyryanov, A.P. (1973). Chudsky Antiquities of Urals. Moscow. 60 p. (in Russian)
12. Ignatieva, O.V. (2009). Perm Animal Style: History of Collections and their Study. Perm. 160 p. (in Russian)
13. Leibovich, O.L. (2023). "An Unknown Strange Type in a Kosovorotka...". Boris Nazarovsky and Perm New Chronology. *Cultural code, 2, 53–69.* (in Russian)
14. Mikhailov, N. (1960). Beauty in Life. *Decorative Art of USSR, 1, 1–3.* (in Russian)
15. Nadezhdin, Yu. (1964). Fake Souvenir. *Molodaya Gvardiya (Perm), Nov 22.* (in Russian)
16. Nadezhdin, Yu. (1964). Chudsky Antiquities. *Molodaya Gvardiya (Perm), Dec 25.* (in Russian)
17. Nadezhdin, Yu. (1964). Five Interviews about Chudsky Antiquities. *Molodaya Gvardiya (Perm), Apr 14.* (in Russian)
18. Nazarovsky, B. (1965). Chudsky antiquities. *Molodaya Gvardiya (Perm), Jan 31.* (in Russian)
19. Nazarovsky, B.N. (2004). Letter to Comrades who Love our Land. *Bystryh T.I. (Comp.). Nazarovsky: To the 100th Anniversary of Birth of B.N. Nazarovsky, a Journalist and Local Historian.* Perm. Pp. 334–343. (in Russian)
20. Neplyuev, P.A. (2020). "If a Person is Indifferent to Monuments of History of his Country, then he is Indifferent to his Country": Historiographical Review of Historical and Cultural Activism in Late Soviet Period. *Cultural Code, 3, 38–50.* (in Russian)
21. Oborin, V.A. (1976). Ancient Art of Peoples of Kama Region. Permian Animal Style. Perm. 190 p. (in Russian)
22. Roerich, N.K. (1899). Non-Fiction of our Art Shops. *Art and art industry, 11, 914–918.* (in Russian)
23. Rozhdestvenskaya, S.B. (1961). "Art in Everyday Life". Exhibition of New Samples of Art Industry Products. *Soviet ethnography, 6, 110–120.* (in Russian)
24. Spitsyn, A.A. (1906). Shaman Images. *Notes of Department of Russian and Slavic Archaeology of Imperial Russian Archaeological Society, vol. 8, issue 1, pp. 29–145.* (in Russian)
25. Formozov, A.A. (2006). Russian Archaeologists in Totalitarianism Period: Historiographical Essays. Moscow. 341 p.
26. Chagin, G.N. (2011). Birds and Beasts, Gods and Spirits in Bronze Art of Ripheus. *Perm University Herald. History, 1 (15), 127–133.* (in Russian)

27. Schmidt, A.V. (1926). On Question of Origin of Perm Animal Style. *Collection of Museum of Anthropology and Ethnography*, 6, 125–164 (in Russian)
28. Schmidt, A.V. (1932). Sacrificial Sites of Kama-Ural Region. *Proceedings of State Academy of History of Material Culture*, vol. 13, issue 1–2. Leningrad. 43 p. (in Russian)
29. Expedition “Chudsky Antiquities”, go ahead! (1965). *Molodaya Gvardiya (Perm)*, Jun 7. (in Russian)
30. Nazarovsky, B.N. (1968). Letter to Secretary of Perm Regional Committee of CPSU I.Ya. Kiriyyenko. Apr 26. *Perm State Archive of Social and Political History (PermGASPI)*, coll. 25, inv. 1, item 50, pp. 1–28. (in Russian)
31. Nazarovsky, B.N. (1962). Books about Native Land or to Know your Land. Sent 16. *Perm State Archive of Social and Political History (PermGASPI)*, coll. 25, inv. 1, item 82, p. 9. (in Russian)

**Статья поступила в редакцию 16.11.2023;
одобрена после рецензирования 30.11.2023;
принята к публикации 07.12.2023.**

**Received: Nov 16, 2023
Approved: Nov 30, 2023
Accepted: Dec 07, 2023**